

В ванной на третьем этаже раздавались звуки глухих рвотных позывов.

Глаза Вэнь Яньюя покраснели и наполнились слезами, и лишь спустя долгое время он дрожащей рукой нажал на кнопку слива на унитазе.

Шум хлынувшей воды унес с собой пятна кричаще-красной крови.

После кровопотери в голове нещадно мутилось, а по бледным как мел щекам катились произвольные слезы.

Влажные от холодного пота волосы прилипли к лицу. Вэнь Яньюй попытался приподняться, но силы оставили его. Он бессильно повалился обратно на пол, свернувшись калачиком и крепко зажав руками живот.

Как же больно...

Все его тело ныло с самого первого дня возвращения. Во время полуденного отдыха боль немного утихла, но с приходом ночи нахлынула с новой силой.

Он ходил в больницу в надежде выписать обезболивающие, но дежурный врач узнал его, и таблетки удалось получить только после того, как он показал рану.

Вспомнив взгляд, которым наградил его тот доктор, Вэнь Яньюй лишь бессильно и тяжело вздохнул.

Травмы, полученные им в прошлых мирах, наложили слишком глубокий отпечаток. Как бы система ни пыталась его вылечить, все попытки заканчивались провалом. В конце концов ей удалось лишь сделать так, чтобы эти увечья не угрожали его жизни напрямую.

Вэнь Яньюй стер слезы с лица и выдавил из блистера две таблетки. Воды поблизости не было, да и сил подняться и поискать ее тоже.

Он просто закинул лекарство в рот. Таблетки с хрустом разломились на зубах, и рот мгновенно наполнился невыносимой горечью.

Кое-как проглотив горькую крошку, смешавшуюся со вкусом крови, Вэнь Яньюй приподнялся, завел будильник на четыре часа утра и залез в стоявшую рядом ванну, сворачиваясь там клубком.

Ранним утром зазвенел будильник.

Вэнь Яньюй с трудом разлепил веки, выключил сигнал и выкарабкался из ванны. Опираясь на раковину, он наскоро умылся.

Ноги после целой ночи в согнутом положении мелко дрожали. Вэнь Яньюй мотнул головой, из последних сил удерживая равновесие, и приоткрыл дверь, собираясь потихоньку сбежать, пока Фу Ханьчуань еще не проснулся.

Осмотревшись по сторонам, он подошел к входной двери и уже готов был бесшумно выскользнуть наружу, как вдруг...

— Вэнь Яньюй.

— Что это ты делаешь с самого утра, крадучись как вор?

Ленивый, бархатный голос донесся со спины, заставив кончики ушей мгновенно онеметь от страха.

Вэнь Яньюй вздрогнул и замер. Он медленно повернулся, и в его красивых, разрез которых напоминал лепестки персика, глазах отразилось явное замешательство:

— Доброе утро.

Фу Ханьчуань стоял у лестницы в черной домашней одежде. Пуговицы на груди были полурасстегнуты, обнажая крепкий торс. Из-за смешанного происхождения он был невероятно высоким и статным – одно его присутствие уже подавляло своей тяжелой аурой.

Вэнь Яньюй молчал, Фу Ханьчуань тоже не произносил ни слова, лишь угрюмо разглядывал его.

Они встретились взглядами.

Вэнь Яньюй опустил голову.

— Я... проснулся и хочу поехать домой.

— Отсюда до города тридцать километров, — Фу Ханьчуань скрестил руки на груди, закатав рукава до локтей. Его серо-голубые глаза в упор смотрели на юношу, не выражая никаких эмоций. — Ты на своих двоих долететь туда собрался?

Но за два года совместной жизни Вэнь Яньюй научился понимать, когда тот был не в духе. И сейчас Фу Ханьчуань явно был в ярости.

Вэнь Яньюй опустил голову еще ниже и принялся нервно тереть пальцы:

— Я вызову такси.

— Такси? — Холодно усмехнулся Фу Ханьчуань. — Вызвать такси в этой глуши? Ты что, первый день в моем доме живешь?

— С тем огрызком ужина, что ты вчера в себя запихнул, ты на полпути упадешь от истощения. Что мне тогда вызывать для тебя – скорую помощь или сразу катафалк?

Вэнь Яньюй притих.

Фу Ханьчуань равнодушно бросил:

— А ну иди обратно и жди завтрак.

С этими словами он развернулся и ушел на кухню.

— Ладно, — едва слышно отозвался Вэнь Яньюй и на цыпочках пробрался обратно в гостиную. Усевшись на диван, он то и дело вытягивал шею, поглядывая на суетящегося на кухне мужчину.

«Когда это главный герой научился готовить?»

Ответ нашелся довольно быстро.

Вэнь Яньюй посмотрел в свою тарелку, где лежало несколько кусочков яичницы, кое-как сохранивших форму, а затем перевел взгляд на тарелку Фу Ханьчуаня, в которой покоились совершенно обуглившиеся черные угольки.

Он осторожно спросил:

— Может... поменяемся?

Фу Ханьчуань помрачнел:

— Ешь молча и не разговаривай со мной.

Они сидели друг напротив друга, сохраняя дистанцию.

Вэнь Яньюй послушно принялся за яичницу, которая оказалась изрядно пересоленной, заедая ее поджаренным тостом.

На середине трапезы у него пересохло в горле. Он потянулся к стакану с теплым молоком. Сделав пару глотков, он вдруг замер, уставившись на дно стакана, где медленно таяли кубики рафинада.

Ни больше ни меньше – ровно четыре кусочка.

Фу Ханьчуань в пару укусов расправился со своим кулинарным провалом, запил все это соевым молоком и поднял взгляд на застывшего Вэнь Яньюя.

Заметив, что тот закончил есть, он слегка постучал костяшками пальцев по столу.

Вэнь Яньюй поднял голову.

Только тогда Фу Ханьчуань заговорил:

— С сегодняшнего дня тебе запрещено участвовать в любых опасных шоу. Все те паршивые контракты, что ты успел набрать, я уже аннулировал. Неустойку я выплачу сам, а все причитающиеся тебе деньги компенсирую.

— Квартиру, в которой ты сейчас живешь, я выкуплю на твое имя, так что переезжать тебе не придется. Но взамен ты больше не дашь ни одного интервью журналистам и никогда больше не упомянешь мое имя на публике. С сегодняшнего дня между нами все кончено.

Его тон был жестким, не терпящим возражений.

Вэнь Яньюй растерянно смотрел на него, в его глазах читалось искреннее непонимание:

— Почему?

«Зачем он снова мне помогает?»

Фу Ханьчуань поджал губы и отвел взгляд:

— Ты спас мне жизнь. Это мой долг перед тобой, и теперь мы в расчете.

Не дождавшись ответа, Фу Ханьчуань снова перевел на него тяжелый взор:

— Ты и сам прекрасно знаешь, сколько раз втягивал меня в грязные скандалы. Считай это своей платой. Если откажешься миром, у меня найдутся другие способы заставить тебя подчиниться.

— Вэнь Яньюй, не строй иллюзий, я тебе не благотворитель.

Фу Ханьчуань слегка приподнял подбородок. В его поведении сквозило раздражение, голос так и веял могильным холодом, а угроза была совершенно неприкрытой.

Вэнь Яньюй смотрел на мужчину, и его сердце в этот миг словно замедлило свой ход.

Внезапная резкая боль и щемящая тоска пронзили его грудь – трудно было понять, исходила ли эта боль от раны на животе или из самой глубины сердца.

Он был всего лишь пушечным мясом, камнем преткновения на пути главного героя, а также его случайным приятелем. Он не мог контролировать собственное тело и раз за разом доставлял ему неприятности.

В оригинальном сюжете его смерть была использована врагами Фу Ханьчуаня, чтобы обрушить на того шквал общественной критики. Можно сказать, что, за исключением первой аварии, он был главным препятствием в жизни и карьере этого человека.

Он ненавидел эту книгу, ненавидел этот сюжет и даже ненавидел стоящего перед ним мужчину. Почему он должен быть марионеткой в чужих руках? Почему, когда он наконец попытался пойти наперекор судьбе и был так близок к своей мечте, его снова заставили все бросить? Почему его смерть – это лишь повод для развития чужой истории?

Но когда он впервые увидел Фу Ханьчуаня после аварии, тот был при смерти. И пусть Вэнь Яньюй знал, что тот – главный герой, и сюжет просто не позволит ему погибнуть...

Клятва Гиппократа, которую он когда-то принес, не позволила ему пройти мимо умирающего. Он не мог допустить, чтобы этот человек из-за прихоти автора остался калекой и рухнул с вершины в бездну.

Он не желал, чтобы Фу Ханьчуань разделил его участь и стал безвольной игрушкой в руках судьбы. Он пытался бороться с сюжетом, желая проверить, так же ли жесток этот мир к своему любимцу.

Возможно, благодаря его медицинскому прошлому, а возможно, потому, что главный герой действительно находился под защитой вселенной, у него все получилось. Сюжет изменился, и Фу Ханьчуань не остался инвалидом.

Но именно после того спасения этот человек накрепко привязался к нему. За два года совместной жизни они делили радости и горечи, и в итоге Вэнь Яньюй просто не смог заставить себя возненавидеть его.

Он физически не мог причинить ему вред с легким сердцем.

Единственному другу, который был у него в моменты просветления.

Но он не контролировал свое тело. Он все равно совершал те же поступки, что были прописаны в сценарии, раз за разом утягивая мужчину в водоворот скандалов. Он видел этот полный отвращения взгляд, видел, как сильно ранила Фу Ханьчуаня его мнимая измена.

И в эти моменты он мог ненавидеть только себя за то, что все еще жив.

Молоко с сахаром было приторно-сладким – его любимое лакомство из детства, о котором после смерти матери больше никто не помнил.

— Прости...

Вэнь Яньюй, сдерживая рвущиеся наружу рыдания, согнулся пополам и тихонько заплакал. Вместе со всхлипом сквозь плотно сжатые губы просочилась теплая струйка крови.

Лед в глазах Фу Ханьчуаня мгновенно растаял, уступив место панике и полнейшей растерянности.

<http://bllate.org/book/18043/1732291>